

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РАБОТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА – ОСОБЕННОСТИ НАПРАВЛЕНИЙ СОВЕТОЛОГИИ

Ташкенбаева Диёра Абдурашидовна
докторант, младший научный сотрудник
Института истории Академии наук
Республики Узбекистан

Любые исторические исследования имеют важную особенность: результаты научной работы в немалой степени зависят от методологических установок, общественно-политических взглядов исследователя. Кроме влияния мировоззренческого фактора на непосредственные результаты исследований, появлению анализа исторического материала способствует также отсутствие признанной всеми исследователями определенной базы, понимаемой как совокупность аксиом и следующих за ним дедуктивных выводов. Этим и объясняются значительные расхождения в трактовках одних и тех же исторических явлений разными научными школами. Для большинства западных исследований по центральноазиатскому региону в исследуемый нами период характерны следующие тенденции:

– С момента формирования советологии эволюция данной научной дисциплины на Западе происходило в тесной взаимосвязи с «политической повесткой дня», основным содержанием которой являлось эскалация «холодной войны», усиление идеологического и политического антагонизма двух мировых сверхдержав, олицетворявших противостояние двух систем;

– Важным этапом развития советологии являлась ее институционализация, осуществлявшаяся посредством организации при ведущих западных университетах научных центров и отделений по изучению Туркестана, финансирование которых осуществлялось как из государственного бюджета, так и средств представителей политико-экономического сообщества;

– Для первых десятилетий развития советологии было характерно формирование национальных (американской, французской, британской) школ, опиравшихся на присущие данной стране научные традиции и методологический инструментарий, а также осуществлявших советологические исследования в контексте политических приоритетов данного государства.

– Советские республики Центральной Азии, в частности характер протекавших здесь этнических и конфессиональных процессов, воспринималась советологами в

качестве наиболее уязвимой зоны Союза. Именно этим, в немалой степени, определялся повышенный интерес к данному региону со стороны исследователей, а также специалистов пропагандистов и политологов. Вместе с тем, центральноазиатский регион и его история стали преимущественно рассматриваться как часть «советских» или «даже российских и восточно-европейских» исследований, что, по нашему мнению, отрицательно отразилось на качестве исследований, ибо гораздо более целесообразным являлось изучение региона в контексте его связей с более широким исламским миром.

Также, здесь следует отметить, что значительное число советологов – как бы исламоведов, не имело базового образования по истории и культуре исламского мира и не обладало глубокими познаниями в языках, как местных центральноазиатских народов, так и классических трудов мусульманских теологов, которые, на наш взгляд, были необходимы для изучения Центральной Азии. В лучшем случае исследователи владели русским языком, знание которого было недостаточно для проведения комплексных и всесторонних исследований региона.

Любые исторические исследования имеют важную особенность: результаты научной работы в немалой степени зависят от методологических установок, общественно-политических взглядов исследователя. Кроме влияния мировоззренческого фактора на непосредственные результаты исследований, появлению анализа исторического материала способствует также отсутствие признанной всеми исследователями определенной базы, понимаемой как совокупность аксиом и следующих за ним дедуктивных выводов. Этим и объясняются значительные расхождения в трактовках одних и тех же исторических явлений разными научными школами.

К примеру, известным американским историком, изучавшим Центральную Азию был и остается Эдвард Оллворт (Edward Allworth, родился в 1920 г.). В годы Второй мировой войны служил в американских войсках в Северной Европе. В последующем начал научную и преподавательскую деятельность в сфере русско-тюркских исследований в одном из крупнейших центров по подготовке специалистов по России и Центральной Азии – Колумбийском университете. Э. Оллворт являлся также директором Центра по изучению Центральной Азии, а также директором Программы по Советским Национальным вопросам. Перу этого исследователя принадлежит значительное количество работ по истории Центральной Азии. Однако приоритетное внимание в своих исследованиях он придавал вопросам национализма в Союзе, а также некоторым аспектам средневековой истории Центральной Азии. Его перу принадлежит исследование «Современные узбеки с XIV века до наших дней: культурная история» (The modern

Uzbeks from the fourteenth century to the present: a cultural history)¹⁸, вызвавшая широкий резонанс среди представителей не только советской, но и западноевропейской историографии. Не останавливаясь на подробном критическом анализе данной работы, выходящей из тематических и хронологических рамок нашего исследования, считаем уместным привести высказывание исследователя-медиевиста Ю. Брегеля о данном исследовании и его авторе: «...его (Эдварда Оллворта – Д.А.) основными интересами являются этнические отношения и интеллектуальная история (в основном литературная) Центральной Азии при русском и советском правлении. Он читает современную литературу на узбекском, и он опубликовал ряд ценных работ по вышеобозначенным аспектам. Однако он никогда не занимался исследованием до-русской истории Центральной Азии и никогда не читал сам первоисточники по этим ранним периодам; его познания заимствованы исключительно из вторичных источников. И данная книга показывает, что эти знания зачастую весьма некорректны»¹⁹.

Другим результатом исследований Э. Оллворта являлся его вклад в коллективную монографию «Центральная Азия, 130 лет русского доминирования: исторический обзор» (Central Asia, 130 years of Russian dominance: A historical overview)²⁰, переиздававшуюся несколько раз. В 1994 году вышло в свет третье издание данной монографии, в которой были представлены публикации видных ученых, специализировавшихся на центральноазиатском регионе.

Значительную роль в развитие центральноазиатских исследований на Западе, в частности вопросов государственности региона в середине XX века внес американский исследователь Эндерс Уимбуш – ученик и последователь А. Беннигсена. Научная деятельность Э. Уимбуша была начата в 1972 г. в Университете Чикаго в качестве исследователя по истории Союза, в частности, национальным вопросам. Примечательно, что в это же самое время А. Беннигсен начал свою преподавательскую деятельность в стенах данного учебного заведения, организовав специальный семинар по вопросам национальной политики в Союзе, в рамках которого рассматривалось также состояние данного вопроса в центральноазиатских республиках. Основной целью семинара, по словам Э. Уимбуша, являлось рассмотрение национального вопроса в России в историческом, политическом, демографическом и социальном контексте. Таким образом,

¹⁸ Allworth Edward. The modern Uzbeks from the fourteenth century to the present: a cultural history. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1990. 410 p.

¹⁹ Bregel Yuri. Notes on the Study of Central Asia // Papers of Inner Asia. Indiana University, Bloomington, 1996. № 28. P. 63.

²⁰ Allworth Edward. Central Asia, 130 years of Russian dominance: A historical overview. 3rd edition. Duke University Press. 1994.

произошло знакомство известного советолога А. Беннигсена с молодым американским исследователем Э. Уимбушем, обернувшееся вскоре весьма плодотворным сотрудничеством, результатом которого стали как многочисленные совместные исследования²¹, так и самостоятельные публикации американского ученого²².

Э. Уимбуш писал свою докторскую работу (PhD) по вопросам советского национализма, и в отличие от А. Беннигсена имел возможность посещения как России, так и Узбекистана в 1976 г., где сумел собрать некоторые материалы по истории региона. Согласно свидетельствам Э. Уимбуша, в середине 70-х годов XX века среди академических и политических кругов США наблюдался заметный рост интереса к вопросам вопроса государственности и этнических взаимоотношений в Туркестане. Ученые и политики США стали задаваться вопросом «Каково это быть такой многонациональной страной, имея целое государство как Туркестан»? В чем заключаются опасности и риски? Чем это может обернуться для страны?»²³. В это же время происходит рассмотрение национального вопроса уже не в контексте академической дисциплины, а в стратегическом значении. Соответственно вопрос изучения состояния мусульманских народов Центральной Азии, являвшихся национальными меньшинствами в Союзе, приобретает первостепенное значение.

В 1976 г. он перешел на государственную службу США специалистом по национальным вопросам в Союзе, что, однако не мешало ему активно продолжать изучение центральноазиатского региона. Так, в 1982 году он становится главным редактором журнала «Центральноазиатское обозрение» (Central Asian Survey), которое представляло собой одно из первых серьезных изданий, специализирующихся на изучении Центральной Азии и отражавших на своих страницах новейшие изыскания западных исследователей по вопросам государственности на территории Туркестана.

В целом, оценки Э. Уимбуша по состоянию и дальнейшему развитию государственности ситуации в данном регионе не имели принципиальных отличий от позиций его наставника – Александра Беннигсена.

²¹ Например: Bennigsen A., S. Enders Wimbush. Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World // The University of Chicago Press, 1979; Bennigsen A., S. Enders Wimbush. Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. – USA: University of California Press, 1985; Bennigsen A. (co-authorship with Paul B. Henze, George K. Tanham, S. Enders Wimbush). Soviet Strategy and Islam. – London: Macmillan, 1989; Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslim religious dissent in the USSR // Marxism and Religion in Eastern Europe. – Boston: Reidel, 1975.

²² Например: Wimbush S. Enders. The Soviet Muslim Borderlands // The Last Empire. Nationality and the Soviet Future. Edited by Robert Conquest. Hoover Institution Press: California, 1986. – P. 218-234; Его же. Soviet Muslims in the 1980s // Journal of the Institute of Muslim Minority Affairs, 1985. – Vol. 6. – № 1. – P. 152-166.

²³ Wimbush S.E. Muslim religious dissent in the USSR // Marxism and Religion in Eastern Europe. – Boston: Reidel, 1975.

Среди других американских исследователей в той или иной степени затрагивавших вопросы государственности в Туркестане следует отметить также Вильяма Фирмана (William Fierman) – в 1971 году выпускника университета Индианы, продолжившего затем обучение в отделении центральноазиатских исследований Гарвардского университета. Также он являлся профессором центральноазиатских исследований в Университете Индианы, директором Азиатского и Уральского Национального Ресурсного центра. В перечне его научных интересов приоритетное место занимают вопросы трансформации образа жизни и социального сознания центральноазиатских народов в колониальный период²⁴. В. Фирман неоднократно имел возможность посещения Узбекистана еще в советские годы, в 1976 - 1977, 1983 и 1988 годы²⁵. В ходе этих визитов ему удалось собрать обширный, в том числе и устный, материал о национальном и вопросе в регионе.

Таким образом, мы видим, что посещение региона, сбор материала на месте рассматривалось англо-американскими исследователями в качестве важного инструмента для расширения представлений о регионе, более глубокого понимания его внутренней специфики. И это обстоятельство непосредственно отражалось на качестве и новизне их исследований.

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, немаловажная роль в изучение ислама в советской Центральной Азии принадлежала ряду канадских исследовательских центров. Особое место в формировании научных знаний по изучению вопросов государственности на территории Туркестана принадлежит профессору политических наук Богдану Бокьюркиву (1925 – 1998) – известному специалисту по национальной политике советских властей. Свою преподавательскую деятельность он начал в 1969 году в стенах Карлетонского университета, на базе которого впоследствии он основал и возглавил Институт советских и Восточно-европейских исследований (ныне Институт Европейских, российских и евразийских исследований (**The Institute of European, Russian and Eurasian Studies (EURUS)**)), по сей день имеющий ряд программ по истории центральноазиатского региона.

²⁴ Fierman William. Glasnost in Practice: the Uzbek experience // Central Asian Survey. Vol. 8. – № 2. – P. 1-45; Fierman William. The Soviet “Transformation” of Central Asia // Soviet Central Asia. The Failed Transformation. Edited by William Fierman. – Westview Press: Boulder, 1991. – P. 11-35.

²⁵ Fierman William. Glasnost in Practice... – P. 4.

²⁵ Northrop D. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. – Cornell University Press, 2004. ???; Kamp M.R. Unveiling Uzbek Women: Liberation, Representation and Discourse, 1906-1929. – Chicago, Illinois, 1998. ???; Keller Sh. To Moscow, not Mecca // The Soviet Campaign against Islam in Central Asia. 1917-1941. – Praeger Publishers, California, 2001. ???; Khalid Adeeb. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Tsarist Central Asia. – University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 1998. – ???

В 1975 г. Б. Бокьюркив в соавторстве с другим канадским исследователем Джоном Стронгом (John Strong) опубликовал сборник «Религия и Атеизм в СССР и Восточной Европе» (*Religion and Atheism in the USSR and Eastern Europe*)²⁶, в который вошли публикации известных на тот период исследователей. Также среди других работ, затрагивающих вопросы государственности в Туркестане выделяется исследование «Изменение советского имиджа ислама: местная сцена» (*Changing Soviet Image of Islam: The Domestic Scene*)²⁷.

Отдельную группу исследователей представляют выходцы из России и Центральной Азии, которые весьма активно участвовали в процессе накопления и распространения знаний о регионе. Так, из числа данной группы исследователей уместно упомянуть Назифа Шахрани – этнического узбека, ныне профессора антропологии, ведущего американского специалиста по центральноазиатским и ближневосточным исследованиям Университета Индианы (Блумингтон, Индиана), автора целого ряда публикаций по вопросам государственности в регионе в советский период²⁸, а также Баймирзу Хаита, уроженца Намангана, осевшего в Германии после событий Второй мировой войны, автора многочисленных статей и работ на немецком, английском и турецком языках, преимущественно по истории Туркестана²⁹.

В целом, участие эмигрантов-выходцев из России и Центральной Азии наложило заметный отпечаток на характер советологических исследований и их идейную направленность. Владея в совершенстве русским и местными центральноазиатскими языками, отдельные из них сделали успешную карьеру на научном поприще, заняв ведущие посты в американских университетах и, таким образом, получив возможность оказывать непосредственное влияние на организацию советологии и подготовку специалистов, экстраполируя при этом свои диссидентские настроения и неприятие политики советских властей на эти процессы.

Подводя итоги мы можем заключить, что для большинства западных исследований по центральноазиатскому региону в исследуемый нами период характерны следующие тенденции:

– С момента формирования советологии эволюция данной научной дисциплины на Западе происходило в тесной взаимосвязи с «политической повесткой дня», основным

²⁶ *Religion and Atheism in the USSR and Eastern Europe* // Edited by B. Bociurkiw and J. Strong. – 1975.

²⁷ Bociurkiw R. Bohdan. *Changing Soviet Image of Islam: The Domestic Scene* // Journal Institute of Muslim Minority Affairs. – Jeddah: King Abdulaziz University. – 1980. – Vol. 2. – № 2. – P. 9-25.

²⁸ См. например: Shahrani M. Nazif. “From tribe to *umma*”: comments on the dynamics of identity in Muslim Soviet Central Asia // *Central Asian Survey*. – 1984. – Vol. 3. – № 3. – P. 27-38.

²⁹

содержанием которой являлось эскалация «холодной войны», усиление идеологического и политического антагонизма двух мировых сверхдержав, олицетворявших противостояние двух систем;

– Важным этапом развития советологии являлась ее институционализация, осуществлявшаяся посредством организации при ведущих западных университетах научных центров и отделений по изучению Туркестана, финансирование которых осуществлялось как из государственного бюджета, так и средств представителей политико-экономического сообщества;

– Для первых десятилетий развития советологии было характерно формирование национальных (американской, французской, британской) школ, опиравшихся на присущие данной стране научные традиции и методологический инструментарий, а также осуществлявших советологические исследования в контексте политических приоритетов данного государства.

– Советские республики Центральной Азии, в частности характер протекавших здесь этнических и конфессиональных процессов, воспринималась советологами в качестве наиболее уязвимой зоны Союза. Именно этим, в немалой степени, определялся повышенный интерес к данному региону со стороны исследователей, а также специалистов пропагандистов и политологов. Вместе с тем, центральноазиатский регион и его история стали преимущественно рассматриваться как часть «советских» или «даже российских и восточно-европейских» исследований, что, по нашему мнению, отрицательно отразилось на качестве исследований, ибо гораздо более целесообразным являлось изучение региона в контексте его связей с более широким исламским миром.

Также, здесь следует отметить, что значительное число советологов – как бы исламоведов, не имело базового образования по истории и культуре исламского мира и не обладало глубокими познаниями в языках, как местных центральноазиатских народов, так и классических трудов мусульманских теологов, которые, на наш взгляд, были необходимы для изучения Центральной Азии. В лучшем случае исследователи владели русским языком, знание которого было недостаточно для проведения комплексных и всесторонних исследований региона.

Вместе с тем, представителям советологического исламоведения, осуществлявшим свои исследования в условиях жестко регламентированного доступа в регион и крайне ограниченной источниковой базы, удалось подготовить ряд фундаментальных работ по различным аспектам истории ислама в Центральной Азии, методологический инструментарий и научные оценки которых существенно отличались от однозначных

клише советской историографической традиции и представлявших иной альтернативный взгляд на историю центральноазиатского ислама и общества в эпоху советской власти. К бесспорным заслугам советологической школы следует отнести разработку уникальных методик анализа вторичных источников и скрупулезной обработки полученного материала, а также налаживание механизма перманентного обмена мнениями и новейшими научными разработками, посредством специализированных периодических изданий и регулярно действующих семинаров и конференций.

Последующее обретение Узбекистаном государственного суверенитета в значительной степени облегчили доступ американских исследователей к региону и к местным источникам, вследствие чего в значительной степени возросло количество молодых ученых из США, специализировавшихся на вопросах истории ислама в регионе. Сбор материалов стал возможен в рамках научных обменов между различными научными учреждениями, отсюда и растущий интерес к новому региону, и появление более качественных работ. В последнее десятилетие XX века в США сформировалась новая генерация молодых исследователей, которые изучают, в том числе и колониальный отпечаток на жизнь мусульман в регионе, чьи результаты мы сможем проследить в скором времени.